

способ поддержания жизни человека, его выживания, оно вторично по отношению к производству. Философия хозяйства позволяет взглянуть на проблему иначе. Потребление есть не только способ сохранения и воспроизведения жизни на земле, но через это – способ ее очеловечения. В потреблении – в еде как его простейшей и изначальной форме – снимается граница между живым и неживым, раскрывается единство органического и неорганического мира, их внутренняя связь.

Говоря об аспектах мировоззрения отца Сергия, мы стремились акцентировать внимание только на самых характерных из них, отметить только те, которые близки и богослову, и философу, и историку, и экономисту.

Главное значение творчества Булгакова – не столько в глобальности его размаха или в конкретных решениях тех или иных тем, сколько, при всей смелости его построений, в верности его богословской интуиции, одинаково предостерегающий и от крайностей секулярного гуманизма, и от "обожествления" истории, мира, государства. Поскольку в результате как одного, так и другого нивелируется христианское осмысление земной жизни, истории как принадлежащей "веку сему", находящемуся в преддверии "жизни будущего века". В этом смысле история есть лишь становление, которое завершится Вторым Пришествием Господа нашего Иисуса Христа.

Говоря о Булгакове необходимо отметить, что роль и значение его как личности не исчерпывается его творчеством. Он всегда активно и деятельно принимал участие

в решении самых насущных проблем общественной жизни: организовывал издание сборников, участвовал в Поместном соборе Русской Православной Церкви; преподавал в крупнейшем богословском центре – Свято-Сергиевском Православном Богословском Институте.

Его творчество, его человеческий облик, отмеченный редкой нравственной высотой, глубокой искренностью и благородством, остались незабываемым воплощением лучших и светлых черт интеллигенции эпохи русского религиозного Ренессанса.

И в завершение хотелось бы напомнить слова митрополита Евлогия (Георгиевского), сказанные над могилой отца Сергия в день его погребения 15 июля 1944 года: "...Ты был истинным христианским мудрецом, учителем жизни, поучавшим не словом только, но и всем житием своим, в котором, дерзаю сказать, ты был апостолом".

1. Агапов О.Д. Бытие человеческого рода как "поле" схождения религиозного, философского и научного дискурса. – М., 1993. 2. Аскольдов С.А. Рецензия на книгу: Сергей Булгаков. Два Града. Исследование о природе общественных идеалов // Сергей Булгаков. Два Града. Исследование о природе общественных идеалов. – М., 1999. 3. Бердяев Н. Судьба России. – М., 2001. 4. Булгаков С.Н. Евхаристия / предисл. Струве Н. А. – М., 2005. 5. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. – СПб., 2008. 6. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – Т.1. – М., 1993. 7. Булгаков С.Н. Невеста Агнца. – М., 2005. 8. Зандер Л.А. Бог и мир. Мирозерцание отца Сергия Булгакова. – Т. 1. – Париж, 1948.

Надійшла до редколегії 12.09.11

УДК 330.83

Ю. Осипов, д-р экон. наук, проф.

(Центр общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

С.Н. БУЛГАКОВ: ЦЕНА ПРОРЫВА

С.М. Булгаков (о. Сергий) здійснив творчий подвиг, прориваючись крізь напрацьовану століттями словесно-текстуальну пелену та виходячи на інше трактування через посередництво Софії Премудрості Божої.

Ключові слова: С.М. Булгаков, філософія, російська софійна філософія, філософія господарства.

С.Н. Булгаков (о. Сергий) совершил творческий подвиг, прорываясь через наработанную веками словесно-текстуальную пелену и выйдя на иное, трактуемое через посредство Софии Премудрости Божией.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, философия, русская софийная философия, философия хозяйства.

S.N. Bulgakov (Fr. Sergius) performed a creative deed by breaking through the verbal-textual mantle accumulated throughout centuries and attaining the other that is treated through Sophia: the Wisdom of God.

Keywords: S.N. Bulgakov, philosophy, Russian Sophian philosophy, philosophy of economy.

Истории хорошо известен брусиловский прорыв на русско-австрийском фронте в Первую мировую войну, а теперь вот витиеватой истории придется признать... булгаковский прорыв, но уже в сфере духа, интеллекта и знания, осуществленный примерно тогда же – в период гигантских евро-российских социальных потрясений и геополитических пертурбаций.

И ежели генерал Брусилов прорывал со товарищи армейскую укрепленную линию, надеясь обрести оперативный простор в Европе и одержать победу в чуждой ему и России войне, то Булгаков прорывал не менее прочную, чем армейская оборона, физико-научную завесу, надеясь выйти на размыслительный простор в метафизическом поле, не смущаясь и выходом на творческий контакт с самим Господом Богом.

И ежели Брусилова вдохновлял и вел вперед Георгий Победоносец, то Булгакова вдохновляла и вела сама божественная София, она же и София Премудрость Божия.

Генерал Брусилов не успел одержать победу в великой войне, хоть и стал в критический момент главнокомандующим всей русской армии – революция в России помешала, но и протоиерей Булгаков, хоть сам лично, надо полагать, и вышел непосредственно к Господу Богу, чему доказательством послужило сакраль-

ное просияние лика его перед кончиной, не одержал на идейно-духовном фронте никакой убедительной победы, хоть и не проиграл, как и генерал Брусилов, ни одного сражения. Однако за тем и другим героями новейшей евро-российской истории остались вполне убедительные прорывы – брусиловский прорыв в памяти военных академий и гражданских учебников, а булгаковский – в сознании немногих добровольно посвященных в это великое деяние.

Брусиловский вклад в военное дело внимательно изучается стратегами всего мира (хоть и осуществлял практически сам брусиловский прорыв командарм Каледин, в последующем несчастливый атаман Великого Войска Донского), а вот булгаковский вклад в идейно-духовное дело нигде и никем столь обстоятельно, а уж тем более – обязательно, не изучается.

Отчего же так не повезло Булгакову?

Виноват тут, конечно, прежде всего сам Булгаков – экономист, философ, литератор, богослов, ибо писал, исключая экономические труды, сложно, не слишком восприимно, хотя и стилистически великолепно. Не столько мысль уготованную он выписывал, чтобы дидактически понятным всем быть, сколько прямо текстуально и мыслил, чтобы мысль текущую ухватить, привлечь ее, даровать другому – как раз ту самую мысль, которую

словами не выразить, а вот в межсловии при желании, и некотором умении выставить вполне можно, как и поймать ее, разумеется, глубоко при этом размышляя. Так что не мысль готовую брать надо у Булгакова, хотя этого добра у него предостаточно, а ловить мысль неизреченную, с которой у Булгакова лишь дружба была вольная, но уж никак не прикладное ее освоение.

Уже поэтому мало понять Булгаков, а то и вовсе не понят, ибо понимать-то надо не Булгакова как такового, его тексты и слова, а то самое, с чем Булгаков лишь стоически взаимодействовал, никак по-профессорски не заигрывая.

Но не только этим виноват перед образованным людом Булгаков – своей недословностью, недосказанностью и недословленностью, но и... о-о!.. это куда как преступнее... своими открытиями... нет, не чего-то нового вовсе, хоть и была у него повсюду новизна, а... *иного*, причем иного в двух ипостасях – как иного понимания всего совершенно обычного, уже взятого умниками и хорошо осмысленного, и как выхода вообще на иное, как раз на то, чего не взять и что взятым быть просто не может. Читать Булгакова не просто трудно (здесь настоящий потребен труд), но и... весьма опасно, ибо обнаруживается вдруг, что все, почти все, или же очень многое из ранее прочитанного и усвоенного оказывается... под вопросом, да такого размера вопросом, что и не по себе становится, как и обнаруживается, что есть *что-то*, наличие чего образованный и умный интеллект никогда и не подозревал, мало того, это-то *что-то* все или почти все вокруг и определяет.

И выходит вдруг, что от всего, или почти от всего, или очень уж от многого надо... избавляться, а если и не избавляться совсем, то тщательно пересматривать, преодолевая. А делать такое кому ж из образованных и умных захочется, ежели повсюду науки, теории, концепции, еще и академии, университеты, энциклопедии, мало того, журналы, книги, диссертации, как и симпозиумы, конференции, конгрессы, наконец, звания, степени, должности... о-о-о!.. опять же пособия, гранты, премии... и все это почему-то совсем не о том, о чем писал этот бунтарный, дерзкий и прорывной Булгаков, будоража неуклюжее воображение, раздражая упорядоченный интеллект и вызывая устойчивое к себе неприятие.

И была найдена формула: да, был такой оригинал и подвижник, выказывал кое-что занятное, но... ни системы от него, ни бесспорных заключений, ни практической пользы, в общем – межнаумок какой-то, что-то искавший, но ничего так и не нашедший, хоть и с творческой потенцией, конечно, был, но, увы, без удобоваримой завершенности. А если что-то и сформулировал, и предложил, и даже отстаивал, то все, или почти все сомнительное, не заказанное, к тому же не скомпонованное, не обструганное, не отточенное. Что говорить, большой талант, почти что гений, а может, и впрямь гений, но... либо не так и не до конца состоявшийся, либо не туда захавший, либо просто по-крупному ошибившийся! Так что, увы, упоминания, конечно, заслуживает, даже и цитирования, но освоения, изучения, следования... никак нет, ибо везде он в общем-то *еретик*, – и вовсе не в одном только богословии, а еретик есть еретик – тот самый злостный уклонист и ниспровергатель, который, может, и привлекает внимание, но лишь для критики его заносчивых трудов, от них решительного оттапливания, их непременно опровержения.

Булгаков, как и многие его соратники по русскому софийному цеху (предшественники, сотоварищи и последователи), заслужил лишь суда над собой со стороны "нормальных" и "правильных" экономистов, философов, богословов, да что суда – и строгого при-

говора тоже – с осуждением, отвержением, как и забвением тож, что, собственно, и возымело место, хоть и по разным мотивам – идейной вражды, как у марксистов-большевиков; негласного непонимания, как у широкого образованного класса, прозрительного неприятия, как у до кое-чего догадывавшихся квалифицированных остроумцев; законного несогласия, как у вполне оправданных религиозной сообразностью ревнителю христианского благочестия.

Понял почему-то Булгаков, а может, *что-то (!)* заставило его понять, что чистая наука, эта стройная физика, содержит относительно человека, общества и мира в целом слишком много надуманностей, искажений, недоговоренностей, а то и попросту лжи; что сам по себе гордый человек-демиург вовсе никакой не правдоносец, а всего более для себя великий лжец; что мир вокруг вместе с человеком его совсем не таков, каким его рисует "точная наука", замешанная на материализме, прагматизме, экономизме и атеизме; что движение мира человеческого по пути ренессансно-просвещенческого гуманизма и безграничного научно-технического прогресса вне идентифицирующего сарказма и остерегающей трансцендентности погибельно. И не только текущая реальность, полная противоречий, борьбы, насилия и ненависти, готовившаяся разорваться громоподобно в войнах и революциях, не устраивала Булгакова, но и ее – этой реальности – умственное отрицание: что в виде фрондирующей негативистской философии, "научно обоснованного" переворотного марксизма, что в лице развороченной и все более обесмысливавшейся культуры. Булгаков вдруг ясно осознал, что сам человек и есть главная апокалиптическая проблема, что либо человеку назад и вперед к Богу, к Христу, к Софии, либо человека и мир его ожидает впереди лишь одна апокалиптическая тщета.

Все началось у Булгакова с критики марксизма и Революции, их преодоления, продлилось обращением к идеализму и метафизике – уже постнаучным, а кончилось... нет, не антихристом и сатаной, как у многих его предшественников и современников, в том числе и однофамильных, а вдохновляющим и вполне продуктивным контактом с Софией Премудростью Божией, позволившей ему софийно поразмысливать – прозорливо и без всякой надежды на скорое понимание, но зато ответственно, бодро и с верой в просматриваемое им грядущее.

Ах, если бы все дело было только в высказанном Булгаковым, в изложенных им на бумаге текстах, в возможном учении, которое он, наверное, мог бы предложить страждущим, но не предложил, хорошо сознавая, что учение великое уже есть и что не хватает лишь к нему творческого тяготения, а потому не учение свое он создавал, хоть и богословствовал активно, а обосновывал необходимость сознательного – через Софию – отношения к уже давно имевшемуся великому учению, а затем и творческого по жизни и хозяйству его человеческого применения.

Догма всегда несомненна, ибо в противном случае она вовсе не догма, но есть догма, так сказать, догматическая, а есть догма все-таки творческая: и вот, полностью и беспрекословно уважая христианскую догму, Булгаков, он же о. Сергей, ищет догматического же разрешения актуального богословского вопроса – о Софии Премудрости Божией, от Бога исходящей и так или иначе Им человеку даруемой.

Зачем? Чего не хватало Булгакову? Какую истину жаждал обрести о. Сергей?

Понял Булгаков, что к вульгарно трактуемой эффективной-де экономике хозяйство человеческое не сво-

дится, что хозяйство есть реализация самой жизни человеческой, что производство жизни существеннее и важнее производства благ, а потому и подошел к хозяйству по-философски, пытаюсь выйти за пределы ограниченной в своих задачах и разрешениях политической экономии, отчего и вышел на *философию хозяйства*. Тут и обратил он внимание, что человек не отделим не только от природы, но и от Бога, без которого и человека-то никакого нет, а есть лишь одно животное, а потому уяснил себе, что хозяйство человеческое есть непременно и хозяйство божественное, а в силу отрыва человека от Бога и полагания человека на самого себя хозяйство человеческое имеет возможность быть и антибожественным. И чтобы различать качество, направление и последствия человеческого хозяйствования, обратился Булгаков ко вполне божественному критерию – к Софии Премудрости Божией, обратив внимание как на софийность человеческого хозяйства, так и на его антисофийность. А ведь софийность напрямую и накрепко с деньгами и капиталом не связана, зато с ним напрямую и накрепко связана антисофийность. Отсюда и *мера* – мера вынужденного допущения антисофийности и мера приоритетного признания софийности.

Софийность – не выгодность, не польза, даже не эффективность, это – жизнеутверждение человека во взаимном признании, уважении и любви человека к человеку, что возможно лишь при императивном признании человеком Господа Бога, со стороны его уважения и к Нему со стороны человека любви.

София – мудрость, а ежели София Премудрость Божия, то София – мудрость Бога, его принадлежность, свойство, способность, как и его эманация. Человеку тоже присуща мудрость, пусть и не каждому из человек, однако человеческая мудрость – не Божья Премудрость, поскольку она в любом варианте относительна, предельна и в той или иной степени сомнительна. Только София Премудрость Божия лишена отмеченных слабостей и ограничений, ибо она абсолютна. Да, она не известна человеку, хотя суждения о ней человек иметь может, но зато она негласный, бессловный, нетекстовый ориентир для человека... мудрствующего, строгий критерий его мудрых или же просто мудроподобных действий, их надежный судия.

Почему же все-таки София, а не то же Слово-Логос? Дело в том, что мудрость – от молчания, от дословности, от межслова, она прямо от скрытого, никак еще не изреченного, но сказанного, не обозначенного, не отформулированного смысла, в чем-то даже еще до-смысла, от пока еще замысла, проекта, намерения, интенции, от еще только подуманного, откуда-то извлекаемого, родящегося, как и, разумеется, про-роческого, про-видческого, про-виденциального, а потому и не мудрость только у Бога, а *пре-мудрость*, *до-мудрость*, в общем – София Премудрость Божия.

И именно этой самой премудрости всегда не хватает человеку, который всего, и, конечно же, главного, не знает и не имеет никакого шанса узнать это все, но человек может дополнить свое знание *знанием незнания*, что и приводит его к Абсолюту, к Трансцендентному, к Богу, а по жизни человеческой – к метафизике, философии, религии, а через них прямо к Софии Премудрости Божией.

Вначале и в Начале было Слово, и Слово было Бог. Верно! – ежели иметь в виду сотворяемый и сотворенный мир, включая и человека. Без Слова нет ни мироустройства, ни мира, ни человека. Но ничто не мешает предположить, что была и есть *идея* мира, его замысел, его лишь предчувствование, еще только в интуиции, следственно, и в дословии, в проекте. Тут-то более всего и место Софии, ее и только ее роль, возможность быть и... действовать, в том числе и через Слово-Логос.

Идея!

Кто знает, что такое идея? Идея частицы, камня, травинки, коровы, волка, мироздания, природы, человека, да и самого Господа Бога... а-а? Разве идея это слово? Идея, конечно, ближе всего к смыслу, но смысл это все-таки не сама по себе идея, ибо идея смысл задает, который идею лишь проявляет. Идея, надо полагать, от Абсолюта, от Трансцендентного, от Софии, а смысл, знаете ли, уже в относительном, имманентном, тварном, хоть и несет в себе что-то от абсолютного, трансцендентного, софийного.

И вот почему же Булгакову, как и иным русским мыслителям апокалиптического рубежа XIX и XX вв., не "запасть" было на Софию, на это совершенно запредельное, но являющееся заботливо в предельном, *что-то*, что и с Богом в единении, и с человеком в дружбе, что и подсказчик человеку и судия его одновременно, что источник знания и... само знаниево здание ("И созда Премудрость себе храм")? Более того, почему же было не придать было Софии особого значения, да не где-нибудь, а прямо в христианской догматике?

Нет, мы не собираемся тупо солидаризоваться со всем высказанным Булгаковым по поводу Софии – тут есть вопросы, ждущие обстоятельного разрешения, мы лишь хотим понять Булгакова – великого русского мыслителя эпохи жуткого, неотвратимого и необъяснимого российского апокалипсиса (кризисов, реформ, войн, революций, крахов, падений, восстаний, концов, возвращений), увидевшего в Софии не одно лишь свойство-эманацию Бога (Божественной Троицы), но и Его и Ее (Троицы) ипостась, а вследствие, наверное, творчески-рождественной природы Софии – *ипостась женскую!*

И не ошибся тут вовсе Булгаков, как и ничего он тут не учудил, скорее, если и ошибся, то вполне и сознательно, может, и кое-что даже... ошибочно... учредил, но... разумеется... нет, не проиграл вовсе, хоть и не выиграл, пожалуй что, лишь пострадал по-крупному, но что есть истина без страды по ней, без борьбы и жертвы, без столкновений и тщета?

Цена прорыва!

Большая цена, что говорить: трудами, беспокойством, сомнениями, исканиями, решимостью, убежденностью, но и всей жизнью, всем творчеством и всей личностью, всей судьбой! Очень большая цена, поиск, работа, утверждения, признание, но и отвержение тоже, и суд, и приговор, наконец... кое-какая память и... тоскливое забвение, за которым вдруг воскресение... с непониманием, критикой, небрежением. Трансцендентная цена!

Но путь, путь-то какой: осознанный, смелый, самоотверженный, путь гения-первопроходца и... чуть ли не героя-одиночки и... неудачника, однако названного почему-то сразу же после его сакрализованной смерти... *апостолом!*